

ВАЖНАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА ЗАКАВКАЗЬЯ

(С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966)

За последние годы вышел ряд монографических работ, посвященных материальной культуре древней Армении, имеющих не только местное значение, но и много дающих для понимания хода исторического процесса на территории Переднего Востока и всего юга Европейской части СССР.

Книга С. А. Есаяна, где тщательно собран, классифицирован и обобщен огромный материал по истории военного дела древней Армении, занимает среди них важное место. Превосходное знание материала из раскопок, которые уже много десятилетий ведутся в Армении, широкое использование в качестве аналогий образцов вооружения из сопредельных территорий и, прежде всего, из областей передневносточных цивилизаций, позволило С. А. Есаяну не только поставить и решить узко оружейные вопросы, но и сделать важнейшие выводы.

В главе о наступательном оружии подробно рассматриваются основные его виды — копья, топоры, наконечники стрел, булавы, кинжалы и мечи, предлагается новое, нередко отличающееся от традиционного, деление на типы и варианты. Безусловно, прав автор, отмечая большую близость древнейших местных черенковых копий мессопотамским и сирийским (стр. 26). Неясно, почему в разделе, посвященном копиям, не рассматриваются бронзовые вилы-двузубцы, известные в памятниках Армении¹ и являющиеся, по верному определению К. Х. Кушнарева и А. А. Мартиросяна, боевым оружием². Очень верно отмечена связь топоров второго типа (трубчато-обушных) и проушных, справедливо определенных автором как специфически боевое оружие (стр. 31). С. А. Есаян относит появление этих топоров на территории Армении к концу III тысячелетия до н. э. (стр. 31). Топоры этого типа хорошо известны по памятникам Месопотамии середины III тыс. до н. э. Есть они в инвентаре могил Ура этого времени, известны топоры и по изображениям. Для примера укажем инкрустацию на панели из замка Иштар в Мари³.

Медные клевцы С. А. Есаян датирует второй половиной III тыс. до н. э. Однако, очевидно, будет более предпочтительна датировка, предложенная А. А. Мартиросяном, — не вся вторая половина, а только начало второй половины III тыс. до н. э.⁴ Автор, верно указывая аналогии топоров третьего типа, — клевцем в областях передневносточных цивилизаций — допускает ошибку, указывая на распространение подобных топоров и на Западе (стр. 32). В это время там преобладали топоры иных типов.

Перед автором стояла очень трудная задача — осветить вопросы развития оружия на большом хронологическом отрезке — III—I тыс. до н. э. А ведь за это время менялись не только типы, менялся и сам материал, из которого делалось оружие. Это очень хо-

¹ А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы и раннего железа*, Ереван, 1964, стр. 157.

² Там же, стр. 160; К. Х. Кушнарева, *Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе*, СА, т. XXVII, М., 1957, стр. 168.

³ Y. Yadin, *The Art of Warfare in Biblical lands*, London, 1963, с. р. 132—133, 138—139.

⁴ А. А. Мартиросян, *указ. соч.*, стр. 32.

рошо заметно на примере наконечников стрел. Они же прекрасно иллюстрируют длительное использование на этой территории (уже во время господства железа) для изготовления наконечников стрел такого «архаичного» материала, как кремь и обсидиан. В основном, с задачей подразделения наконечников на типы С. А. Есаян успешно справился. Ошибочно только, на наш взгляд, отнесение наконечника из Степанавана к V типу (стр. 46, табл. VIII, 16), а наконечника из Камо—к VI типу (стр. 48, табл. VIII, 18). Последний, безусловно, также относится к V типу.

Интересны разделы о кинжалах и мечах. Жаль только, что в них не рассмотрены кинжалы очень интересного и важного типа—биметаллические, широко представленные в памятниках Армении VIII—VII вв. до н. э.⁵ Правильно поступил С. А. Есаян, выделив импортные рапиры, не имевшие заметного распространения в Армении (стр. 78). Но вряд ли можно согласиться с автором, отметившим их роль в превращении кинжалов в короткие мечи. Это тем более маловероятно, что по датировке Б. А. Куфтина, с которой согласен С. А. Есаян, эти рапиры бытовали в XV—XIV вв. А в это же время известны и короткие мечи. Для примера укажем на меч с вильчатой (по С. А. Есаяну) рукоятью из кургана № 10 Лчашена. Сам автор и не возражает против датировки мечей этого типа серединой XV—серединой XIV вв. до н. э. (стр. 81).

В главе о защитном вооружении, в основном, (только в несколько более сжатом виде) повторены основные выводы С. А. Есаяна, сделанные им еще во время работы над кандидатской диссертацией⁶. Для характеристики этого оружия автор широко использовал памятники изобразительного искусства и, прежде всего, такой великолепный источник, как гравированные изображения на широких боевых поясах, рельефы Балаватских ворот, бронзовые фигурки на моделях бронзовых колесниц из Лчашена, шлемах из Кармир-блур. Подробно описана великолепная серия бронзовых урартских щитов из Кармир-блур первого и умбона конической формы второго типа (стр. 94—95). Автор делит панцири, использовавшиеся на территории древней Армении, на два типа. К первому он относит кожаную или матерчатую одежду, укрепленную дополнительно металлическими нашивными пластинами (не совсем удачно только название доспехов этого типа—латы). Такие своеобразные панцири использовались в Двуречье еще в середине III тыс. до н. э.⁷ На территории Закавказья они известны с конца этого же тысячелетия⁸. Вслед за А. А. Мартиросяном⁹, С. А. Есаян справедливо отмечает, что на территории Армении панцири такого рода использовались только с XIII—XII вв. до н. э. (стр. 90—100).

Появление второго типа панцирей—чешуйчатых, автор совершенно справедливо рассматривает в связи с влиянием ассирийской военной культуры (стр. 101). Как пример панцирей второго типа, С. А. Есаян приводит панцири из Кармир-блур. Но на наш взгляд, вряд ли оправдано объединение в один тип панцирей с очень архаичной системой набора (панцирь с именем Арлишти), доспехи, известные на Переднем Востоке еще с середины II тыс. до н. э.¹⁰, и панцири, аналогичные в общих чертах панцирю с именем фараона Шешонка¹¹. Панцири, близкие последнему, происходят из помещений

⁵ М. Н. Погребова, Восточно-закавказские кинжалы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Труды Государственного исторического музея, вып. 40, М., 1966, стр. 50.

⁶ С. А. Есаян, Защитное вооружение в древней Армении, Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, Ереван, 1962, № 1.

⁷ И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья Шумер, М., 1959, стр. 178—179; Y. Yadin, указ. соч., стр. 49, рис. на стр. 132—133, 138—139.

⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Тrialeti, Тбилиси, 1941, стр. 101.

⁹ А. А. Мартиросян, указ. соч., стр. 121.

¹⁰ Е. В. Черненко, Скифский доспех, К., 1968, стр. 131.

¹¹ Е. В. Черненко, Происхождение пластинчатого панцирного доспеха. Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея, Одесса, 1965, стр. 140, рис. 7.

№ 38, 40. А Кармир-блур¹². Они имеют только одно общее с пащирем Аргишти—набраны из продолговатых пластин. Но форма их, количество и расположение на пластине отверстий, взаимное положение пластин внутри ряда и соотношение пластин различных рядов коренным образом различаются.

Характеризуя защитное вооружение, С. А. Есаян высказывает много интересных замечаний о зависимости применяемой тактики ведения боя от характера оружия.

Страницы работы, посвященные составу войска, численности отдельных его частей, роли различных родов войск в составе—одни из лучших в книге. Автор очень удачно и, пожалуй, с исчерпывающей полнотой использовал такой важнейший источник, как урартские и ассирийские тексты. Большой интерес представляют разделы об организации разведки, об инженерных войсках и осадной технике.

Очень интересна глава о средствах передвижения и их применении в военном деле. Ее предваряет краткий очерк о появлении и развитии коневодства, появлении колесниц, как самостоятельного рода войск и появлении колесницы вначале как второстепенного, а затем и ведущего рода войск урартов. Вслед за В. В. Струве С. А. Есаян связывает появление колесниц на Переднем Востоке с гипсосомами и, таким образом, относит это важнейшее событие к довольно позднему времени (стр. 120). На наш взгляд следует согласиться с И. Ядиным, связывающим их появление с Месопотамией еще в первой половине III тыс. до н. э.¹³

Появлению и развитию на Армянском нагорье колесного транспорта С. А. Есаян посвятил несколько своих более ранних работ. Эти вопросы в более сжатом виде нашлись отражение и в рецензируемой работе (стр. 130—142).

Работу завершает краткий и четко написанный заключительный очерк, где подведены основные итоги исследования.

К сожалению, в работе С. А. Есаяна отсутствует важный раздел о фортификации. Не всегда и не везде четко проведено различие между военным делом и вооружением доурартского времени и времени урартов. Некоторые неудобства создает и помещение подтекстов под рисунками не непосредственно под ними, а в конце книги. В ней встречаются и досадные неточности в ссылках, отступления от принятых норм (ссылка 24 на стр. 99).

Ценный труд С. А. Есаяна заслуживает безусловного одобрения. Жаль только, что монография, имеющая важное значение для всей территории юга Европейской части СССР, вышла таким ограниченным тиражом и уже сейчас является библиографической редкостью.

Е. В. ЧЕРНЕНКО
(Киев)

¹² Б. Б. Piotrovskiy, Кармир-блур, т. III, Ереван, 1955, стр. 20. С. А. Есаян, рецензируемая работа, стр. 101—102.

¹³ Y. Yadin, указ. соч., стр. 37—40.